

ГЛОБАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ

В современной научной литературе утверждается понятие «постбиполярный мир». С точки зрения стилистики понятие не слишком удачное, громоздкое. С точки зрения отражения современных политических процессов — вполне корректное, соответствующее переходному состоянию современного мира от биполярной системы, возникшей в результате компромиссов Ялтинского мира, к новой системе, контуры которой пока лишь просматриваются.

Не в первый раз международные отношения переживают период глубокой трансформации. С распадом Советского Союза прекратил существование Ялтинский мир — политическая система, созданная державами-победительницами после поражения гитлеровской коалиции. Динамическое равновесие в ней поддерживалось развитой системой сдержек и противовесов между двумя сверхдержавами. НАТО и Варшавский договор являлись сугубо военными инструментами геополитических интересов сверхдержав, не претендующими на гуманистические сентиментальности. По периметру сфер влияния оставалось место для других субъектов Ялтинской системы, находившихся в отношениях полузависимости или нейтралитета. Политика взаимного сдерживания сверхдержав не раз доводила мир до грани глобальной войны, вместе с тем ее не преодолевая.

Несмотря на различие идеологических подходов, оба противостоящих блока стремились соотнести их с принципами, декларированными Уставом и резолюциями Содружества наций — ООН. Можно рассуждать об искренности отношения сверхдержав к соблюдению принципов ООН, об их истинном стремлении манипулировать этой международной организацией, но факт остается фактом — Нюрнбергский процесс над международными преступниками определил моральную и политическую «планку» разрыва с прошлым. Выработанные ООН принципы поведения признавались как непререкаемый авторитет в международных отношениях. Была разработана международ-

ная процедура разрешения конфликтов, пресечения попыток геноцида и других преступлений перед человечеством. Не было случая, чтобы одна из сверхдержав в достижении своих геополитических интересов не стремилась оправдаться перед Содружеством наций.

Оценка острых мировых кризисов (например, советской интервенции в Венгрию в 1956 г. и в Чехословакию в 1968 г., Вьетнамской войны США и советской войны в Афганистане), осуществлялась противоборствующими сторонами с использованием схожих нравственных и политических категорий. Несмотря на декларируемое различие идеологием, они находились в пространстве одинаковых знаковых гуманистических ценностей. Различие подчеркивалось понятиями «более» или «менее», например: «более демократическая система», «более защищенный человек» и т. д. В условиях биполярного противостояния Содружество наций разработало систему гуманистических ценностей, которые стали общечеловеческим достоянием и являлись важным сдерживающим элементом проявления насилия и ксенофобии в мире.

Современная наука не всегда готова понять и оценить логику поведения известных субъектов в новых условиях, и тем более она находится в затруднении при анализе новых международных явлений. Изменяются основания не только для научной оценки протекающих мировых политических процессов, но и для прогнозирования, программирования и управления этими процессами. Никто не отменит «росчерком пера» бывших протагонистов международных процессов (суверенные государства, международные организации, правовые регуляторы, общественные группы, лоббисты экономических, финансовых, криминальных и иных интересов), чей крах или интеграция в новую систему будут оказывать заметное влияние на ее эволюцию. С распадом СССР мир, казалось бы, стал монополярным. На первый взгляд упрощение системы международных отношений делает ее более транспарентной и понятной для участников международных процессов. Однако, если рассматривать эту систему под углом применения законов устойчивости физических систем, то можно констатировать, что ряд проявляющихся в ней признаков свидетельствует о крайней жесткости выстраиваемых в ней конструкций и слабом резерве ус-

тойчивости. О новой мировой политической системе можно сказать только то, что она формируется на однополярной основе, с приматом силы вместо главенства международных законов, снижением роли суверенных институтов (государств), принижением роли международных организаций, вульгаризацией этических и ценностных норм как основ поведения субъектов международных отношений. Очевидно, что в новой системе международных отношений все большую роль будет играть диктат и уменьшится поиск компромиссов. Таким образом, нетрудно прогнозировать эскалацию силы при разрешении возникающих конфликтов, что, в свою очередь, будет детонировать разрастание конфликтов. События 11 сентября 2001 г. в США и захват заложников в Москве в октябре 2002 г. смешали классические представления об основных игроках международных отношений. Происходит глобализация этнического, религиозного, социального экстремизма. Антиглобализационные движения являются недостаточно изученным феноменом, возможно пока еще недостаточно осознанным участниками самих антиглобализационных процессов. Как предполагает А. Б. Вебер, нынешние вспышки антиглобализма могут стать «началом великой смуты XXI века»¹.

Глобальным вызовам, очевидно, должны противопоставляться адекватные глобальные ответы. Например, в ответ на террористические акты 11 сентября 2001 г. США призвали к созданию всемирной антитеррористической коалиции. Ответом стало формирование беспрецедентной по составу антитеррористической коалиции, включившей государства, не входившие ранее в орбиту американских союзников. Глобализация конфликтов уже влияет на изменение системы международных отношений и ее институтов. К примеру, было отмечено ослабление роли ООН и НАТО в ходе американской антитеррористической операции. Недавно поступила информация о создании в ФБР «суперподразделения», которое будет вести все наиболее крупные расследования, связанные с проявлениями терроризма по всему миру².

¹ Вебер А. Что стоит за так называемым антиглобализмом? // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 12.

² См.: <http://www.inopressa.ru/details.html?id=7915>

Зафиксированным фактом становится ослабление детерминистских связей между традиционными субъектами международных отношений. Оттеснены на маргинальные позиции классические субъекты международных отношений, в которых «экономика определяла политику» или противоборствовали геополитические гиганты «Суша против Моря». Государственный суверенитет перестает быть основой систем международных отношений. Подрываются институты международного права, складывавшиеся на протяжении столетий. В одностороннем порядке аннулируются международные договоры, поддерживавшие международную безопасность и контролировавшие гонку вооружений, принятые этические нормы отношений между субъектами международных отношений. Теряется доверие к основополагающим институтам современной системы международных отношений, в деятельности которых все более проявляется конъюнктурная избирательность. Затянувшийся распад прежней системы международных отношений сопровождается ростом этнических конфликтов, международного терроризма, несдержанностью и использованием чрезмерной силы сильных в отношении слабых субъектов международных отношений.

Таким образом, при явном попустительстве мирового сообщества в международных отношениях утверждается концепция «глобального шерифа», в одиночку вершащего праведный суд. В международных отношениях укрепляется политическая философия силы, не ограниченная никакими международно-правовыми, моральными или нравственными нормами. Выигравшая холодную войну политическая элита Запада оказалась неготовой к осуществлению глобальной гегемонии в условиях мира, к реформированию Ялтинской системы в новую стабильную мировую систему.

Стабильность систем обеспечивается сложным механизмом сдержек и противовесов, который приводит систему в состояние динамического (подвижного) равновесия сил. Мир, не основывающийся более на динамическом равновесии сил, становится все более хрупким, ненадежным и менее предсказуемым. Как ни парадоксально, это привело к увеличению числа статистов на мировой сцене, способных в любой момент стать акторами первого плана. Множится количество неожиданных сценариев

развития мировых событий, и самым печальным является то, что в условиях нестабильной мировой системы даже наиболее экстравагантные из них получают шанс на реализацию.

Но не только эта тенденция характеризует современные международные отношения. Не удовлетворены своей мировой ролью новые демографические и экономические гиганты — Китай, Индия, Пакистан, «азиатские тигры». Раздражение многих субъектов ООН вызывает не санкционированное ООН распространение на весь мир концепции «ограниченного суверенитета». Опасно карательные функции возлагать лишь на НАТО, организацию, не имеющую универсального международного мандата. И еще опаснее прикрывать именем международных организаций не санкционированные ими действия. Необходима ли новая архитектура международных отношений? Такая постановка вопроса, на наш взгляд, уже утратила актуальность, поскольку на наших глазах разворачивается процесс трансформации Ялтинского мира в новую систему международных отношений. Вот только никто не ответит на вопрос, станет ли новая система международных отношений более ответственной и эффективной, соответствующей новым реалиям.

Мы переживаем момент, когда объект изучения (международные отношения) стремительно изменяется, и, следовательно, можно поставить вопрос об адекватности научного инструментария для его изучения.

В научных кругах считается общепринятым фактом, что научные положения классических наук типа «экономика определяет политику» или «внешняя политика является продолжением внутренней политики» больше не срабатывают при изучении феноменов международных отношений. К примеру, изучение недавних террористических актов и способов их урегулирования может поставить под сомнение имеющую большой научный ресурс концепцию И. Пригожина, согласно которой колебания между свободой и необходимостью регулируются на уровне здравого смысла, когда ограничителем свободы становится «достижение черты, за которой нет жизни». Этот и другие примеры кризиса традиционных методологических подходов породили рассуждения на тему о «конце политики» и «кризисе политических наук». В первом случае речь идет о некоей фатальной обреченности аполитичных или антиполитичных

обществ на проживание в «железной клетке», созданной в результате глобализационных процессов деперсонифицированными внешними силами. В развернутом виде говорится о кризисе идей прогресса и смысла истории и приходе им на смену идеи «конца истории», об уходе с политической сцены ее основных игроков, таких, как государство-нация, политические партии и идеологии, гражданские институты отдельных государств, эмансипированный человек³.

В связи с вышесказанным обратим внимание на замеченную философом М. Мамардашвили особенность человеческой природы: «человек не может жить в непонятном ему мире»⁴. «Понятный» не означает рационально осмысленный. Это может быть мир грез, утопий, мифологических и иных неадекватных представлений об окружающей действительности.

Современная политическая наука вырабатывает новый понятийный аппарат, позволяющий типологизировать современные тенденции в международных отношениях. В качестве самых общих объектов научного внимания выступают глобальные проблемы современности, прежде всего *процессы глобализации*, провоцирующие принципиально новые формы современных политических вызовов. Авторы научного доклада, составленного под руководством С. Караганова, справедливо отмечают: «На наших глазах происходит переход международных отношений в глобальном масштабе в совершенно новое измерение, сущность которого будет проявляться по мере развития обстановки в мире. Прекращение длительной конфронтации в Европе и развал СССР не упростили, а скорее усложнили глобальную, и прежде всего европейскую, ситуацию, в которой сосуществуют в сложном взаимодействии контрагенты совершенно несопоставимых весовых категорий и программных установок»⁵.

Итальянский социолог Гвидо Мартинотти выделяет несколько направлений глобализации: первое — интернациона-

³ См.: *Gamble A.* Fine della politica? Bologna: Il Mulino, 2002. P. 7–28.

⁴ *Мамардашвили М.* Как я понимаю философию. М., 1992. С. 163, 168

⁵ Новая геополитическая ситуация в Европе, позиции Запада и интересы безопасности России: Доклады Института Европы / Под науч. рук. С. А. Караганова. М., 1994. С. 9–10.

лизация (глобализация) экономической и финансовой интеграции; второе — растворение национальных рынков в мировой экономической системе; третье — утрата национального контроля над мировой электронной системой движения капитала и услуг. По его мнению, результатом глобализации становится ослабление национального суверенитета, ограничение возможностей вмешательства со стороны государства и общественных организаций в стабилизацию социальной жизни⁶.

Глобализация самым решительным образом воздействует на изменение *современной архитектуры мира*. Таким образом, изменяются сами принципы, на которых на протяжении трех с половиной веков основывался фундамент систем и подсистем международных отношений.

Сопутствующими глобализации процессами — оговоримся, что на установление иерархии взаимосвязей мы не претендуем, — являются *межцивилизационные* и *межрелигиозные* вызовы. Их производными стали проявления цивилизационной, религиозной, национальной, этнической, расовой нетерпимости, которые подрывают основы человеческого общежития. Политическим событием современности стало столкновение глобалистских и антиглобалистских явлений, производным от последних стал феномен, названный *глобализацией*⁷.

В исследовании влияния глобализации на внутривнутриполитические процессы Ральф Дарендорф установил «прямую связь между кризисом демократии и кризисом государства-нации»⁸. Как отмечает Р. Дарендорф, наличия формальных демократических институтов, обобщенных понятием «правовое государство», уже недостаточно для констатации демократического состояния или процесса. Индикаторами демократии могут стать, казалось бы, второстепенные признаки, например, готовность власти на демократическую смену власти⁹. Внутриполитическая динамика в США после 11 сентября 2001 г. представляет собой прямую угрозу демократическим институтам

⁶ См.: Second Report from the Commission on Citizenship of the Union / Commission of the European Communities. Brussels, 27. 05. 97.

⁷ См.: *Dahrendorf R. Dopo la Democrazia*. Laterza, 2001. P. 4.

⁸ Ibid. P. 7.

⁹ Ibid. P. 8.

прежде всего самого мирового гегемона. В ситуации увлеченности преследованием внешнего врага немногие интеллектуалы, властители умов, выразили тревогу в связи с резким сужением роли демократических институтов в государстве, претендующем на роль мирового гаранта демократических процессов. Аналогичные тенденции фиксируются и в современной России. В ряде исследований политических процессов после 1989 г. Р. Дарендорф высказал суждение относительно вступления человечества в новый переходный, «последемократический период», который, как надеется британский ученый, завершится конструкцией «новой демократии»¹⁰.

В оценке роли и последствий глобализации пересекаются различные точки зрения — от фаталистской, свойственной современному неолиберализму, до нигилистской, характерной для многих маргинальных обществ и выразителей их интересов¹¹. Например, в критике неолиберальных концепций глобализации профессор Шеффилдского университета Эндрю Гембл обращает внимание на спрямление апологетами неолиберальной глобализации представлений о многих субъектах глобальной политической системы. Действительно, пишет Э. Гембл, в мировой экономике происходит множество реальных изменений, которые ведут к ослаблению роли государства и к эрозии его суверенитета. Но многие из крайних тезисов неолиберальных глобалистов не убеждают. В частности, о том, что глобальный свободный рынок обладает достаточным потенциалом, основанным на принципах саморегулирования, для решения острых социальных проблем отдельных социумов, страт и индивидуумов¹². Далее Э. Гембл пишет, что не следует рассматривать новые явления как полный разрыв с прошлым. Глобальный рынок начал складываться не в 70-х или 90-х гг. XX в., а значительно раньше и предшествовал консолидации европейской системы международных отношений в XVII в. Что каса-

¹⁰ См.: *Dahrendorf R. Dopo la Democrazia*. P. 4.

¹¹ Обстоятельный анализ западных концепций глобализации предложен в статье В. Коллонтай. См.: *Коллонтай В. Эволюция западных концепций глобализации // Мировая экономика и международные отношения*. 2002. № 1–2.

¹² См.: *Cecchi P. F. Si Global. Ragioni e vantaggi della globalizzazione*. Roma: Il Saggiatore, 2002.

ется космополитического глобального порядка, то он уже существует и осуществляет посреднические функции между интересами суверенных государств и глобальными рынками. Э. Гембл рассматривает усиление региональных институтов, к которым относит Европейский союз, как своеобразный ответ на глобализационные процессы с целью обеспечить региональную и индивидуальную экономическую безопасность. В отношении дальнейшей роли государства-нации английский исследователь считает, что оно не исчерпало своего потенциала в регулировании ряда жизненно важных секторов, таких, как социальные отношения, национальная безопасность и др.¹³

Можно согласиться с американским исследователем П. Ратлендом в том, что «каждой нации приходится искать свои формы сочетания национализма, регионализма и экономического глобализма»¹⁴.

В программном документе В. В. Путина «Россия на рубеже тысячелетий» первостепенной задачей определена *модернизация с целью формирования постиндустриального общества*. Определение модернизации в качестве стратегической задачи не вызывает дискуссий у большинства политиков и ученых независимо от того, какие ценности они разделяют: либеральные, традиционалистские или государственнические. Другое дело, что в понятие «современное общество» вкладывается различный смысл. Создается впечатление, что ряд авторов, рассуждая о постиндустриальном обществе, наполняют оболочку содержанием, не соответствующим типологическим признакам постиндустриального общества. Один из «государственно-патриотических» идеологов Алексей Подберезкин считает, что России нужна «самодостаточная национальная экономика», «представляющая собой полноценный самостоятельный комплекс, который на равных условиях сотрудничает и соревнуется с экономикой развитых стран»¹⁵. Сегодня с такой постановкой проблемы не справится ни одна страна в мире, даже более

¹³ См.: *Gamble A. Fine della politica?*

¹⁴ *Ратленд П.* Глобализация и посткоммунизм // *Мировая экономика и международные отношения*. 2002. № 4. С. 17.

¹⁵ *Подберезкин А.* Стратегия для будущего президента России: Русский путь. М., 2000. С. 138.

развитая, чем современная Россия. Надо ли говорить о том, что нереалистично сформулированные задачи, хотя они и могут ласкать слух, при реализации лишь подорвут безопасность общества.

Другой ключевой темой современного развития России является выбор средств и методов модернизации. Вариантов немного: мобилизация внутренних ресурсов, использование внешних источников и комбинация того и другого источника. Опора исключительно на внутренние источники чревата автаркией. Традиционный для волн российской модернизации демографический источник себя полностью исчерпал. Расчет на внешние источники модернизации нереален. Остаются комбинированные формы. Глобализация в ее положительных и отрицательных проявлениях выступает сегодня в качестве аксиомы международных отношений. Выстраивать стратегию модернизации без учета этого фактора — значит обрекать себя на маргинальные позиции в мировом сообществе. Российский исследователь С. Перегудов, рассматривая возможные ответы на вызовы текущей глобализации, предупреждает относительно возможности появления таких вариантов, как «псевдоальтернативная глобализация»¹⁶.

По нашему мнению, проблема адекватного восприятия окружающего мира является сегодня едва ли не главной проблемой обеспечения российской национальной безопасности. Первые шаги новой российской внешней политики показывали, что с этим не все обстояло благополучно. Начиная с министра иностранных дел А. Козырева российская внешняя политика исходит из прогноза «формирования многополярной системы международных отношений». Та же самая цель зафиксирована в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной в 2000 г. (разд. II). Этот тезис проходит через большинство официальных документов. Он воспринимается как аксиома. В одной из немногих критических работ о концепции многополярности справедливо отмечается «отсутствие серьезной критики теории на фоне частой критики практики»¹⁷. Ав-

¹⁶ Перегудов С. Неолиберальная глобализация: есть ли альтернатива? // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 4. С. 27.

¹⁷ Трешин Д. Ненадежная стратегия // Pro et Contra. 2001. № 1–2. С. 50.

тор этого вывода Д. Тренин отмечает, что «многополярность не только предлагает упрощенную и искаженную картину мира, но и ориентирует внешнюю политику России на цели, часто не отвечающие российским национальным интересам»¹⁸.

Несмотря на неоднократные ссылки А. Козырева на то, что Россия не стремится к кондоминиуму с США, он сам, на наш взгляд, и российская политическая элита, прежде всего президент Ельцин, понимали российско-американское «стратегическое партнерство» как кондоминиум или как построение новой многополюсной конфигурации, где одним из противовесов американской политике должна выступать Россия в качестве мировой державы. «В то же время, — утверждал А. В. Козырев, — уже сейчас представляется достаточно очевидным, что мир XXI столетия не будет ни “Рах Америгана”, ни каким бы то ни было иным вариантом двухполюсного мира. Он будет многополюсным»¹⁹. На рубеже 1993–1994 гг. отчетливо обнаружилось признаки кризиса «политики стратегического партнерства», вернее, того содержания, которое вкладывала российская элита в это понятие. Руководство США не сделало никаких шагов к со-управлению мировыми процессами и не проявляло ни малейшего желания стимулировать многополярный мир. В 2000 г. преемник Е. Примакова министр иностранных дел И. Иванов писал, что «радикальный поворот от конфронтации к сближению с западными странами себя не оправдал»; «эти завышенные ожидания оставили свой отпечаток в первой редакции внешнеполитической концепции России, принятой в 1993 г.»²⁰ Какие положения той концепции оказались нереальными, по мнению И. С. Иванова? «Ускоренная любыми средствами интеграция в евроатлантические структуры», «немедленное установление “стратегического партнерства”» и даже «союзнических отношений с Западом». Запад, по мнению министра, не только не был готов к равноправному сотрудничеству с Россией. «Ей в лучшем случае отводилась роль млад-

¹⁸ Тренин Д. Ненадежная стратегия. С. 50.

¹⁹ Козырев А. В. Стратегия партнерства // Международная жизнь. 1994. № 5. С. 5–15.

²⁰ Иванов И. С. Внешняя политика России и мир: Ст. и выст. М., 2000. С. 9.

шего партнера. Любые же проявления самостоятельности и стремления отстаивать свои позиции воспринимались как рецидив советской “имперской” политики. Курс США и НАТО на продвижение альянса к границам России, столь явно игнорировавший российские национальные интересы, был в этом отношении наиболее серьезным отрезвляющим сигналом»²¹. В силу вышесказанного, полагает министр иностранных дел, «период достаточно явного “прозападного крена” во внешней политике России носил непродолжительный и поверхностный характер»²². По мнению Е. Кожокина, либерально-демократический поворот во внешней политике вступил в конфликт с национальными интересами России²³.

Значительная часть российской политической элиты и массового общества смутно представляла себе особенности жесткого функционирования международных и внутренних институтов демократического общества и свободного рынка. Демократия не выставляется на продажу на мировом аукционе, а рассматривается демократическим миром как продолжение естественного внутреннего процесса, самым своим развитием дающего дивиденды обществу, избравшему демократический путь развития. В свободном мире доказывают свою состоятельность, а не выклянчивают уступки. Западные демократии уважают сильного и проявляют жалость только по отношению к низко падающим, но при этом категорически требуют от них расставания с собственным суверенитетом.

Что означал на самом деле приход Е. Примакова на пост министра иностранных дел в январе 1996 г.? Смену внешнеполитической парадигмы или средств достижения неизменных целей или смену самих целей? На наш взгляд, смена исполнителя внешней политики не привела к смене внешнеполитической парадигмы, сущность которой была направлена на достижение нереального статуса России в качестве мировой державы и создание новой многополюсной конфигурации системы международных отношений. В актив дипломатии периода Е. При-

²¹ *Иванов И. С.* Внешняя политика России и мир. С. 10.

²² Там же.

²³ См.: *Внешняя политика Российской Федерации. 1992–1999.* М., 2000. С. 45.

макова можно отнести развитие незападных направлений внешней политики, что соответствовало российским национальным интересам. Однако Е. Примакову как министру и затем главе правительства не удалось достичь основных целей — стимулировать создание многополюсного мира и повысить международный статус России. Напротив, Россия пережила череду новых и еще более унижительных поражений.

Как видно из вышеупомянутой книги министра иностранных дел И. Иванова, очевидный провал внешнеполитической парадигмы «ельцинского периода» не был подвергнут критическому переосмыслению со стороны правящей элиты. Е. Кожокин нашел этому оригинальное объяснение: «Идеологическая схема многополярности содержала как моменты реалистического анализа, так и утопические построения. Но идеализм всегда был присущ российской политической культуре, он помогал мобилизовывать людей на практическую деятельность. Правда, избыток утопизма мог привести к слишком опасным формам конфронтации, которые поставили бы под вопрос сохранение России в качестве целостного государства»²⁴. По существу, в основу деятельности российской дипломатии был положен принцип русской рулетки.

Современная расстановка сил на мировой арене оставляет России немного вариантов для выбора, суть которых сводится к выбору между плохим и худшим. Тем не менее судьба подарила России шанс для того, чтобы занять достойную нишу в мировом сообществе и «сосредоточиться», как говорил русский дипломат Горчаков, на решении внутривнутриполитических проблем. После 11 сентября 2001 г. впервые со времен антифашистской коалиции США и Россия констатировали появление общего врага и сочли возможным объединиться в борьбе против мирового терроризма.

С осторожным оптимизмом в действиях высшего российского руководства и дипломатии можно зафиксировать признаки обоснования новой парадигмы внешней политики, отталкивающейся от реального, а не утопического представления о мировой обстановке и о самих себе. Сложность выбора политической стратегии для любого российского политика состоит не

²⁴ Внешняя политика Российской Федерации. С. 47.

только в том, чтобы сохранить государственность, но и в том, чтобы найти согласие в обществе, разделенном на людей с мышлением индустриальной и постиндустриальной эпохи. Первые из них даже не подозревают о сложности вызова, брошенного современной технологической революцией и глобализацией мировых процессов. Российское общество уже заплатило непомерную цену за самонадеянность социальных инженеров, но оно должно понять и собственную историческую вину. Это естественная расплата общества за недостаточную развитость, нежелание учиться у других, высокомерие, иждивенчество, бескультурие. Сегодня проявляется великий соблазн уйти от разговора на эту тему, ссылаясь на историческое своеобразие и наличие «внешнего врага».

Итальянский писатель и ученый Умберто Эко справедливо отмечает одну из интеллектуальных функций — «выпячивать двусмысленности» и «освещать полутона». «Интеллектуальная функция может привести человека к результатам эмоционально непереносимым, *поскольку многие проблемы решаются только выводом, что они решения не имеют*»²⁵. Многие современные политические процессы сотканы из «двусмысленностей» и «полутонов», категорически невосприимчивых к идеологизированному анализу. Можно с большой долей уверенности сказать, что в XX в. самоуверенный человеческий разум сыграл злую шутку с нашей цивилизацией. В начале XXI в. общественные науки утратили роль путеводной звезды, усилился скепсис в отношении возможностей человеческого познания. Не исключено, что спасительной для человечества и отдельных сообществ может стать та осторожность, с которой будут относиться к самым, казалось бы, обоснованным политическим проектам.

²⁵ Внешняя политика Российской Федерации. С. 17.